

Сила без доброты КСЕНОФОБИЯ И ГОСУДАРСТВО В РОССИИ

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 306
Февраль 2014 г.

Михаил Алексеев
Государственный университет Сан Диего, Калифорния

При разработке опроса общественного мнения об отношении к миграции и мигрантам в России, который был проведен Аналитическим Левада-Центром в 2005 г., я включил в анкету--как индикатор радикальных ксенофобских настроений--дословно скопированный стандартный вопрос из опросов "Евробарометр", которые регулярно проводятся в Евросоюзе. Мы спросили 680 респондентов, отобранных по многоступенчатой случайной выборке на территории России, насколько они были согласны или не согласны со следующим утверждением: "Надо всех мигрантов - легальных и нелегальных - и их детей выселить в места их прежнего проживания." Примерно 43% респондентов -- более, чем вдвое больше, чем в среднем по ЕС--согласились с этим. Летом 2013, другой уважаемый российский центр по изучению общественного мнения, РОМИР, задал идентичный вопрос 1000 респондентам, отобранным по похожей общенациональной выборке в России. Результат оказался практически таким же -- примерно 47% респондентов согласились с данным утверждением.¹

В настоящей статье представлены предварительные результаты систематического анализа устойчивости экстремальной ксенофобии в России за последние десять лет на уровне индивидуальных восприятий. Анализ стал возможен, поскольку опрос РОМИР 2013 г. -- проведенный, как часть проекта Университета Осло и Норвежского Института Международных Дел (NUPI) «Новый национализм в России»²--включал многие из тех же самых вопросов, которые были

¹ Для обеспечения адекватности сравнения результатов опросов с выборками разной численности, процент респондентов вычисляется из числа ответивших на данный вопрос респондентов, т.е., без учета отказавшихся отвечать и ответивших "не знаю" (таких респондентов было 8%, когда данный вопрос задавался в 2005 г. и 9% в 2013 г.). Из тех, кто согласился с данным утверждением в обоих опросах, примерно половина респондентов выразили полное согласие.

² <http://www.hf.uio.no/ilos/english/research/projects/neoruss/>

заданы в моем опросе с Левадой-центром в 2005 г. Эти вопросы отражают статистически значимые корреляты анти-миграционных настроений, установленные в результате серьезных политических и социологических исследований. Главное внимание уделяется роли групповых угроз (безопасности и экономическому благополучию), межгрупповым предубеждениям, межгрупповым контактам, и миграционной дилемме безопасности. Первый этап анализа оценивает изменения в общественном мнении россиян по этим факторам с 2005 по 2013 гг.³ За этим следует статистический анализ влияния этих факторов на уровень поддержки поголовной депортации мигрантов в 2005 и в 2013 гг. Результаты анализа позволяют лучше понять движущие силы ксенофобских настроений в России и за ее пределами. Наиболее значительный вывод состоит в том, что социальная изоляция мигрантов и сомнения в силе и устойчивости своего государства вероятно поддерживают ксенофобию, даже при улучшении экономики и при ослаблении межгрупповых предрассудков.

Групповые угрозы: «этнизация» безопасности

В 2005 и 2013 гг. примерно одинаковое количество (85%) респондентов считали, что миграция угрожает безопасности России.⁴ Однако, мнения о природе угроз кардинально изменились. Страх, что миграция может поддерживать терроризм, резко спал. Однако, страх, что миграция может привести к незаконным поселениям, а также этническим и религиозным конфликтам резко возрос (График 1).⁵ Такие изменения скорее всего отражают изменения в российском социальном и политическом контексте за последнее десятилетие. С одной стороны, по мере отдаления в прошлое сепаратистских войн в Чечне и уменьшения числа жертв продолжающихся вооруженных столкновений на Северном Кавказе после 2011, терроризм и бандитизм могут естественно восприниматься как менее вероятные угрозы. С другой стороны, этот период характеризовался разборками и конфликтами между местным, преимущественно славянским населением и преимущественно неславянскими мигрантами – включая конфликты, которые переросли в массовые насильственные столкновения, такие как в Кондопоге 2006 г. и на Манежной площади в Москве в конце 2011 г. Погромы в подмосковном Бирюлеве осенью 2013 г. свидетельствуют, что лежащая в основе предыдущих массовых столкновений социальная

³ Для того, чтобы быть статистически значимой, разница между процентом ответов на один и тот же вопрос в 2005 и 2013 гг. должна превышать сумму случайных погрешностей выборок в обоих опросах, т.е., приблизительно 7%.

⁴ Поскольку формулировка вопросов в 2005 и 2013 гг. отличалась, данная оценка основана на косвенных показателях – т.е., общее число ответов минус отказы от ответов и “не знаю” в обоих опросах; минус ответы, что миграция наносит ущерб природе в опросе 2013 и минус ответы, что миграция армян, чеченцев, азербайджанцев и китайцев не представляет угрозы безопасности России в опросе 2005 г.

⁵ Исключенные из подсчетов отказы от ответов и ответы «не знаю» на этот вопрос составили 2% от общего числа респондентов в 2005 г. и 6,5% в 2013 г.

напряженность скорее всего оставалась существенной в период проведения опроса РОМИР. В таком контексте угрозы стабильности и безопасности естественно воспринимаются как угрозы основополагающей групповой идентичности, особенно этнической и религиозной.

Групповые угрозы: меньше причин для экономических опасений

Доходы домохозяйств респондентов существенно выросли, а уровень безработицы спал с 2005 по 2013 год, что означает ослабление хорошо известных источников угроз экономическому благополучию россиян. Средний размер доходов на члена семьи в опросе Левада-центра 2005 г. составил 3000 рублей, а в опросе РОМИР 2013 – уже 12500 рублей. Более того, можно принять во внимание, что в 2005 г. задавался вопрос о том, при каком доходе на члена семьи, респонденты бы считали, что можно жить нормально. В среднем по РФ, этот показатель составил 8000 рублей. Это означает, что в 2013 г. большинство респондентов достигли уровня доходов выше желаемых в 2005 г., и со значительным запасом для смягчения эффектов инфляции. Доля респондентов, назвавшихся безработными ввиду потери работы снизилась с 5.4% в 2005 г. до 2.3% в 2013 г. И хотя разница находится в пределах суммы случайных погрешностей выборок (т.е., строго говоря, статистически незначима), в относительном выражении она отражает снижение числа безработных респондентов более, чем вдвое, что соотносится с общим улучшением российской экономики.⁶ Кроме того, доля респондентов, считавших «подрыв российской экономики» главной угрозой, связанной с миграцией, осталась довольно низкой – 7% в 2005 г. и 8% в 2013 г. Опасения, что мигранты могут отнять у местных жителей рабочие места, немного снизились, хотя и недостаточно, чтобы превысить сумму погрешностей выборки в обоих опросах. Примерно 72% респондентов в 2005 г. и 68% в 2013 поддержали ограничения для найма мигрантов на работу.

Межгрупповые предрассудки: этничность и религия

Одно из самых знаменательных изменений в опросе 2013 г. по сравнению с 2005 г. – это увеличение с 13% до 23.5% числа респондентов, сказавших, что национальность (т.е., этническая идентификация) не имеет значения при выборе брачных партнеров. Кроме того, в 2013 г. меньше респондентов считали неприемлимыми браки своих близких родственников с мигрантами из числа чеченцев, армян, азербайджанцев и казахов.⁷ С другой стороны, столь же значительным было увеличение числа респондентов с 43% в 2005 г. до 62% в 2013г.,

⁶ Как минимум, это означает, что улучшение экономических условий не повлекло за собой увеличение безработицы, что могло бы нивелировать позитивные эффекты роста индивидуальных доходов.

⁷ Единственным исключением было отношение к бракам с китайскими мигрантами, которое осталось неизменным. В обоих опросах примерно 90% респондентов были русскими по национальности.

которые согласились с утверждением, что Ислам представляет угрозу для российской культуры и стабильности.⁸ При этом, значительно возросло число респондентов идентифицировавших себя как православные верующие – с 65% в 2005 г. до 78% в 2013 г. Это произошло на фоне усиления религиозной самоидентификации среди россиян в целом – доля респондентов, сказавших, что они не исповедуют никакой религии сократилась с 26.5% в 2005 г. до 17% в 2013 г.⁹ Отмеченные тенденции этнической и религиозной идентификации противоположны друг другу – первая скорее всего ослабляет ксенофобию, вторая скорее всего ее усиливает.

Межгрупповые контакты: Россия – не «плавильных котел»

Самым значительным изменением в плане межгрупповых контактов был рост доли респондентов с 4% в 2005 г. до 16% в 2013 г., которые сказали, что имели деловые контакты с мигрантами помимо покупки товаров у мигрантов-торговцев, и что во время этих контактов они знакомились с мигрантами. В то же время, из числа тех, кто имел контакты с мигрантами, доля респондентов, сказавших, что у них среди мигрантов есть друзья, знакомые, или сослуживцы уменьшилась с 47% в 2005 г. до 36% в 2013 г. Несмотря на приезд миллионов мигрантов с 1991 г., доля россиян, ответивших, что живут по соседству с мигрантами практически не изменилась (в районе 13% респондентов). Это означает, что возможности для уменьшения анти-миграционной враждебности в России за прошедшее десятилетие посредством личных контактов и взаимной «притирки» оставались ограниченными.

«Дилемма безопасности»: слабость и сила государства

Лишь 15% респонентов в 2005 г. и 13% в 2013 г. согласились с утверждением, что национальное разнообразие – которое возрастает быстрее всего в результате миграции – укрепляет российское государство. Вместе с тем, доля респондентов, считавших, что национальное разнообразие ослабляет Россию уменьшилась с 42% до 25%. Однако, это уменьшение практически полностью вылилось лишь в увеличение неопределенности в отношении эффектов миграции – т.е., в примерно эквивалентное увеличение числа респондентов, сказавших, что национальное разнообразие в чем-то укрепляет, а в чем-то ослабляет Россию. Одним из политически значимых последствий неохотности рассматривать национальное разнообразие как сильную сторону России является неизменность

⁸ Отказ от ответов и «не знаю» по данному вопросу составили 19.2% в 2005 г. и 8.6% в 2013. Эта разница означает, что не высказавшие своего мнения респонденты в 2005 г. скорее всего считали Ислам угрозой, и что это мнение было более приемлемым для высказывания в 2013 г. Однако, этот фактор объясняет только половину роста враждебных восприятий Ислама.

⁹ Отказ от ответа и «не знаю» по этому вопросу составили 2.7% в 2005 г. и 6.1% в 2013 г. В 2013 г., к числу респондентов, назвавших себя неверующими (14.2%), добавлены респонденты, назвавшиеся атеистами (2.8%).

согласия подавляющего большинства респондентов с утверждением, что на ведущие государственные должности следует назначать только русских по национальности. Около 77% респондентов и в 2005г. и в 2013 г. поддержали такую идею – несмотря на то, что это явная форма дискриминации по национальному признаку, противоречащая Конституции РФ.

Роль СМИ

Несмотря на различия в формулировке вопросов, ярко прослеживается переход от телевидения к интернету как основному источнику новостей среди россиян. В 2005 г. около 87% респондентов сказали, что в основном узнают о миграции и мигрантах из теленовостей на трех главных и подконтрольных государству телеканалах (ОРТ, РТР, НТВ). Только 0.5% респондентов ответили тогда, что подобные новости они получают по интернету (включая вебсайты, электронную почту, и чаты). В 2013 г., уже 21% респондентов назвали главным источником новостей интернет. Телевидение осталось главным источником для большинства россиян, но их доля сократилась до 68%. Разница была в том, что в 2013 г. вопрос задавался о новостях в целом, а не только о миграции. Однако, скорее всего, примерно такая же тенденция характеризовала и получение новостей о миграции. Эффекты перехода к интернету не обязательно легко просматриваются. Большинство научных исследований рассматривало интернет как средство распространения этнической и религиозной враждебности, хотя некоторые исследователи сделали заключение, что интернет может способствовать терпимости в обществе.

Статистические тесты: постоянство и переменны

Для оценки степени зависимости анти-миграционных настроений в 2005 и 2013 гг. от каждого из вышеописанных мнений и стандартных социально-демографических факторов (доход, образование, профессия, пол респондентов), контролируя все остальные предикторы (мнения и факторы), в данном исследовании проделан анализ опросных данных с помощью иерархической регрессии наименьших квадратов. Зависимая переменная (исход) – это уровень согласия или несогласия с поголовной депортацией всех мигрантов и их детей. Результаты упрощенно представлены в Таблице 1, по степени статистической значимости (т.е., вероятности, что каждый из факторов соотносится с поддержкой депортации больше, чем в результате случайного совпадения ответов).

Неуверенность в силе государственной власти (т.е., страх анархии) – фундаментальная и отличительная концепция теории иммиграционной дилеммы безопасности – была наиболее постоянным и наиболее статистически значимым предиктором радикальных анти-миграционных настроений. Опасения, что национальное разнообразие – прямое и явное следствие миграции – ослабляет Россию, соотносились с наибольшей степенью значимости, чем другие

независимые переменные (предикторы), с поддержкой поголовной депортации мигрантов как в 2005, так и в 2013 г. В 2005 г., 44.5% респондентов, считавших, что национальное разнообразие ослабляет Россию, поддерживали депортацию, в то время, как только 28.4% респондентов, считавших, что национальное разнообразие укрепляет Россию, также поддерживали депортацию. В 2013 г., депортацию поддерживали 50.3% респондентов, считавших, что национальное разнообразие ослабляет Россию, и только 34.3% респондентов, считавших, что национальное разнообразие Россию укрепляет. Учитывая большие размеры выборок, эти различия имеют высокий уровень статистической значимости (вероятность случайной ассоциации в таких масштабах не более 0.1% в обоих опросах). Ни один другой предиктор не имел столь статистически значимого уровня ассоциации с поддержкой депортации. При этом, значимость восприятия межнациональных и межрелигиозных различий между местными жителями и мигрантами концептуально соотносится и с опасением анархии, через восприятие угрозы межнациональных или межрелигиозных конфликтов. Уровень значимости этих предикторов тем не менее колебался, и был существенно выше в 2013 г., чем в 2005 г. В то же время, опасения экономической конкуренции со стороны мигрантов ослабли и не были статистически значимым предиктором поддержки депортации по данным опроса 2013 г.

Также статистически значимым показателем в обоих опросах было наличие у респондентов друзей среди мигрантов—причем, независимо от восприятия влияния национального разнообразия на силу государства. Однако, в целом, наличие или отсутствие контактов с мигрантами не соотносилось с поддержкой депортации на статистически значимом уровне. Одним из интересных результатов было то, что пользующиеся интернетом респонденты (37% в опросе 2013 г.) систематически реже поддерживали депортацию мигрантов, чем все остальные респонденты при всех прочих равных условиях. Из 692 ответивших на вопрос о депортации, только 39,5% пользователей интернета согласились с поголовной депортацией мигрантов, в то время как 54.4% из тех, кто не пользовался интернетом поддержали депортацию. Это означает, что в опросной выборке было мало пользователей интернета, поддавшихся влиянию пропаганды межгрупповой ненависти. Скорее всего, данный результат свидетельствует, что респонденты с более высоким уровнем образования и эрудиции—т.е., в среднем, более вероятные пользователи интернета—были менее враждебны к мигрантам.

Заключение: сила в доброте

На первый взгляд, главные результаты исследования контринтуитивны. Как бы там ни было, но с 2005 г. правительство России значительно усилило финансирование и обеспечение вооруженных сил, правоохранительных органов, министерства по чрезвычайным ситуациям, и других органов безопасности (т.е., в целом, на «силовые структуры»). Представители или выходцы из силовых

структур также получили значительную долю высоких государственных должностей и выделенных под них материальных ресурсов. Размещение значительных контингентов вооруженных сил и полиции на Северном Кавказе способствовало ограничению действий и в целом сокращению радикального исламистского вооруженного подполья. Количество вооруженных нападений со стороны членов этого подполья и число жертв от вооруженных столкновений снизилось к 2013 г. Маленькая, быстрая, и победоносная война против Грузии в 2008 г. усилила военное присутствие России на Кавказе и контроль России над важными участками своих ранее беспокойных южных границ. Реализация крупномасштабных энергетических и инфраструктурных проектов восстановили влияние Кремля в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России. Прием саммита АТЭС 2012 г. во Владивостоке ознаменовал новый подъем России в Азии. В целом по стране продолжали регулярно выплачиваться зарплаты и пенсии, индивидуальные доходы значительно выросли, и безработица сократилась. Экономическая политика правительства свела к минимуму для России негативные последствия глобального финансового кризиса 2008-2009 гг. Российское правительство также продемонстрировало силу, ужесточив меры по борьбе с нелегальной миграцией. Федеральная миграционная служба была поставлена под контроль МВД. Санкции за трудоустройство незаконных мигрантов и их проверка были ужесточены. Патрулирование и обыски мест предполагаемой дислокации незаконных мигрантов стали более частыми, задействовали больше силовиков, и имели результатом увеличение числа арестов, задержаний, и депортаций мигрантов.

Имея в виду эти тенденции, можно было ожидать, что опасения за силу государственной власти и, соответственно, ксенофобские настроения в России будут ослабевать. Но этого не произошло. Данные опросов дают представление о том, что может объяснить этот парадокс. Российское государство стало сильнее, но не стало добрее. Остаются серьезные проблемы с интеграцией мигрантов в российское общество. В 2013, меньше респондентов, чем в 2005 г. сказали, что у них есть друзья или знакомые среди мигрантов. Значительно большая доля респондентов в 2013 г., чем ранее, опасаются межнациональных конфликтов – возрастающее число которых происходит в результате проблем с интеграцией мигрантов и массовых зачисток и проверок органами правопорядка торговых точек и общежитий. Политические меры, направленные на усиление безопасности россиян, вероятно способствуют росту опасения среди россиян за свою безопасность. От мигрантов требуется и ожидается больше усилий для интеграции в российское общество, чем от российского общества ожидается, что оно должно стать более гостеприимным и разнообразным. Россияне, которые верят, что национальное разнообразие укрепляет их страну, остаются незначительным меньшинством населения.

Как подразумевает данный анализ, чтобы граждане верили в силу государства, этому государству необходимо не только обеспечивать обороноспособность и благосостояние страны, но и стать гибче и приспособленнее к росту национального и религиозного разнообразия общества – разнообразия, которое в конце концов является результатом развития и либерализации мировой экономики. В свою очередь это означает, что антимиграционная политика – опасный курс для России. Широко распространенные ксенофобские настроения усиливают соблазн для политиков быстро и легко набрать очки для увеличения своей популярности. Но более мудрой государственной стратегией была бы адаптация к таким мировым рыночным силам, как миграция. Сопротивление этим силам, как показывают опросы, скорее всего будет вести к размыванию социальной базы внутренней безопасности и стабильности России.

График 1. Представления об угрозах от миграции, по опросам 2005 и 2013 гг.

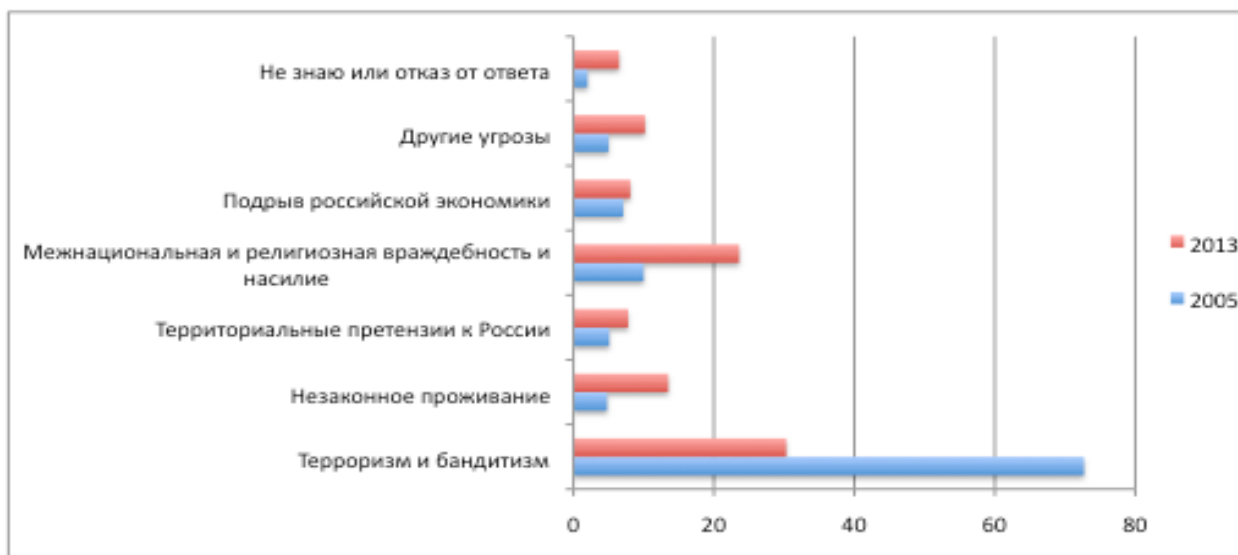

Таблица 1. Регрессионный анализ значимости основных предикторов поддержки россиянами поголовной депортации мигрантов и их детей.

Предикторы	2005	2013
Террористическая угроза	--	--
Этнорелигиозные конфликты	--	* * *
Экономическая угроза	* * *	--
Межнациональная толерантность (браки)	*	* * *
Межрелигиозная толерантность (Ислам)	*	* * *
Сила государства	* * *	* * *
Контакт с мигрантами	*	* *
Интернет пользование	n/a	* * *
Высшее образование	* * *	--
Доход	--	--
Безработица	--	--
Рабочие	--	--
Пол	--	--

Примечание: Число звездочек обозначает уровень статистической значимости: *** означает, что вероятность данного результата исключительно по случайности составляет менее 0,1%; ** -- менее 1% по случайности; * - менее 5% по случайности. Чем больше звездочек, тем более значима ассоциация данного предиктора поддержкой депортации. Основано на анализе чисел респондентов N=680 (опрос Левада-центра 2005 г.) и N=1000 (опрос РОМИР 2013 г.).

**Elliott School of
International Affairs**

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org